

части повести о Петре и Февронии: Ольга, подобно Февронии, „родилась в крестьянском звании“; благодаря своей красоте и хитрости она „царицей сделалась, а там во святые вошла“; Всеволод, как и боярин Февронии, женат; он „помыслил на Ольгу“; Ольга предлагает Всеволоду зачерпнуть воды сперва с правой стороны лодки, затем с левой и т. д. Но все это: то типичные фольклорные формулы, то устойчивая агиографическая фразеология, ощущаемая равно в обоих произведениях. Вопрос о каких бы то ни было отношениях зависимости между сказанием об Ольге и повестью о Петре и Февронии должен быть снят: и в сказание об Ольге и в повесть о Петре и Февронии этот эпизод попал из народно-поэтической традиции. Но псковское сказание интересно тем, что оно подтверждает его существование в фольклоре русского средневековья, так как это сказание находится в ближайшем родстве с поздним житием Ольги, вошедшим в Макарьевские Четьи-Минеи и Книгу Степенную: именно из народно-поэтического запаса автор позднего жития Ольги взял этот эпизод, только лаконичный ответ мудрой деви-перевозчицы заменен здесь пространством наставлением в церковно-христианском духе.¹

Картина встречи слуги князя Петра с Февронией очевидно также была создана в процессе перехода сказки о мудрой деви в легенду о Февронии из села Ласково. Самое образование ее в устной традиции происходило постепенно. Если слуга князя Петра находит в избе одетую по-домашнему, занятую работой, крестьянскую девушку, которая затем на ряд заданных ей вопросов дает иносказательные ответы, то это — типичная черта сказки о мудрой деви. Но осложнение этой картины тем, что перед Февронией „скачет заяц“, говорит о дальнейшей обработке исконного сказочного материала или о частичном замещении его другим, ему аналогичным. В фольклоре и письменности древней Руси заяц — это символ плодородия, духовного богатства, правды.² Общеизвестность этой символики могла быть причиной того, что новая черта, — мудрая дева — носительница правды, — была наслоена на старый сказочный образ, в то время, когда при превращении сказки о мудрой деви в легенду о Февронии переосмыслился сам этот образ. Тогда создание картины, — Феврония, ткущая полотно и скачущий перед нею заяц, — следует приурочить ко времени образования легенды о Февронии из села Ласково.

Обе записи легенды о Февронии из села Ласково и вторая часть повести о Петре и Февронии согласно говорят о двухкратном исцелении Февронией больного князя: после первого исцеления князь нарушает свое обещание жениться на Февронии, но вскоре опять заболевает, вновь обращается за помощью к Февронии и, получив исцеление, женится

¹ Книга Степенная царского родословия. Полн. собр. русск. летоп., т. XXI, 1908.

² Н. С. Тихонравов. Пмятники отреченной русской литературы. СПб., 1863, т. I, стр. 269; Ф. И. Буслаев. Исторические очерки... СПб., 1861, т. II, стр. 20, прим. 1; П. А. Бессонов. Калики перехожие. М., 1861, ч. I, вып. 1, стр. 273; № 76, стих. 161—167, стр. 292; № 80, стих. 231—235, стр. 297; № 81, стих. 181—184.